

Національна академія наук України
Інститут української археографії та джерелознавства
імені М. С. Грушевського
Подільський осередок

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

*Збірник праць молодих вчених
та аспірантів*

Том 14

Київ–Хмельницький, 2006

«Наукові записки» Інституту української археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України та його Подільського осередку (14 том) містить статті та добірки документів, підготовлені аспірантами та вченими з різних проблем історії Поділля та України.

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я

*А. Бойко, В. Брехуненко, Д. Бурім,
О. Маврін (відповідальний секретар),
Н. Миронець, Ю. Мицик, В. Наулко, О. Павлюченко,
П. Сохань (відповідальний редактор)*

Матеріали друкуються в мовній
та стилістичній редакції авторів

Технічний редактор В. Вільчанський, Х. Похитун

Художній редактор, оригінал макет В. Вільчанський

ISBN 966-02-3570-4 (серія)
ISBN 966-02-4168-2 (Т.14)

©Інститут української археографії та
джерелознавства ім. М. С. Грушевського
НАН України, 2006
© Автори статей, 2006

*Світлій пам'яті
Миколи Павловича
КОВАЛЬСЬКОГО
присвячується*

ЗМІСТ

Валерій Чорний

Дещо про грошовий обіг на Поділлі як пряме свідчення зовнішньоторговельних стосунків 7

Олександр Баран

Холмські сюжети у композиційній структурі Галицько-Волинського літопису 17

Сергій Стопенчук

Висвітлення археологічними матеріалами маловідомих фактів історії Волино-Подільського порубіжжя періоду пізнього середньовіччя 26

Мирослав Пінчак

Документи ремісничих цехів Поділля XVI–XVIII століть, опубліковані Є. Сіцінським в статті: «Матеріали для історії цехов в Подолии», що увійшли до X випуску «Трудов Подольского церковного историко-археологического общества», виданих в Кам'янці-Подільському 1904 року 35

Ірина Кривошея, Ігор Кривошея

До генеалогії населення Поділля: реконструкція роду Івахнюків 53

Ігор Плевако

Позиція шляхти Подільського і Волинського воєводства у питанні армії і оборони в останній чверті XVII ст. (за сеймиковими матеріалами 1672-1696 років) 75

Сергій Єсюнін

Камеральний і топографічний опис Проскурова і ключа Плоскирівського 89

Анатолій Скрипник

Структурна побудова та розвиток адміністративних установ Подільської губернії наприкінці XVIII – першій половині XIX ст. 98

Олена Кримська

Розвиток торгівлі міста Кам'янця-Подільського кінця XVIII – першій половині XIX століття 113

Сергій Таранець

Торгово-промислова діяльність старообрядців м. Балти наприкінці XVIII – початку XX ст. 126

Марина Григорчук

Законодавство Російської імперії про іноземних поселенців в Правобережній Україні (XIX – початок XX ст.) 149

Валерій Дячок

Джерела про початок розбійницької діяльності Устима Карманюка (Кармалюка) (1813–1818 рр.) 155

Юрій Земський

Недільні школи в Українському Правобережжі середини XIX ст., як виявнацієформуючої свідомості їх засновників 178

Ірина Олійник Селянське господарство Правобережної України (1861– 1914 рр.): історіографія проблеми	195
Вадим Бондар Політичні партії і селянство напередодні і в період першої російської революції в Подільській губернії	203
Анатолій Глушковецький Основні види джерел для вивчення виборів до Державних Дум Російської імперії в Подільській губернії	214
Ірина Валігурська Співвідношення влади і владних повноважень між Коронаю та парламентом у державах європейської реставрації у XVII – XX ст.	227
Сергій Білошицький Встановлення моно партійної системи в Україні (1917-1925 рр.): історіографія та джерельна база питання	236
Микола Олійник Розпорядчі документи повіт виконкомів рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів як джерело вивчення історії Поділля та Південно-Східної Волині	255
Валерій Нестеренко Висвітлення етно-національних процесів на Поділлі в 20-ті роки ХХ ст. на шпальтах часопису «Червоний кордон»	273
Валентина Парандій Проблема перебування екзильного уряду УНР в Польщі у 20-ті	286
Андрій Трембіцький до біографії, наукових зв'язків та здобутків знаного народознавця та літературознавця Володимира Герасименка	298
Ольга Кірієнко Спогади Л.М. Старицької-Черняхівської про батька як джерело до вивчення особистості М.П. Старицького	304
Анатолій Трембіцький Просопографічний портрет родини Сіцинських-Січинських за матеріалами родинного архіву Ярослава Січинського	321
Олександр Лахно Розкол у євангельсько-баптиському русі на Поділлі в світлі архівних документів (друга пол. ХХ століття)	349
Микола Кабачинський До питання про джерельну базу дослідження історії Прикордонних військ України	363

Валерій Дячок

Джерела про початок розбійницької діяльності Устима Карманюка (Кармалюка) (1813-1818 рр.)

Найважливішою проблемою і водночас основною метою історичної науки є досягнення найбільш адекватної, всебічної та повної реконструкції реальних фактів, подій і явищ минулого. Необхідними умовами виконання цього завдання є наявність у розпорядженні дослідника максимальної репрезентативної джерельної бази; обов'язковий критичний і системний підхід до вивчення джерел та інформації, яка в них міститься; співставлення джерельних свідчень, а також неупередженість і об'єктивність дослідника, відсутність будь-якої тенденційності при їх інтерпретації.

Найбільш прийнятне, на наш погляд, визначення дефініції “джерельна база”, а точніше – “структура джерельної бази” – подав сучасний український історик М.П.Ковальський, на думку якого – це “сукупність (система) джерел різних родів (документальні і оповідні (наративні), видів і різновидів, що мають різний ступінь автентичності (оригінали, списки, варіанти, редакції, копії, копіаріуші та ін.), концентрування акумульованої інформації (сумаріуші, реєстри, регести, кверенди та ін.), інтенсивності побутування (масові джерела), їх неповторності (унікальні, поодинокі пам'ятки) та ін¹”.

Важливе місце при дослідженні репрезентативності структури джерельної бази має з'ясування її рівнів: 1) первісної (або початкової), яка формувалася в ході подій одночасно або незабаром після них; 2) реальної – комплексу джерел, який зберігся і дійшов до нашого часу. Не менш важливим є визначення питання, яку частину останньої вже освоєно історіографічно чи археографічно, а яка залишається існувати і в перспективі може бути виявленою та введеною до наукового обігу.

Реальна джерельна база дослідження історії розбійництва, пов'язаного з ім'ям легендарного подільського розбійника У. Карманюка, як нами встановлено, нараховує близько трьох тисяч документів, які відклалися у 37 архівних справах, що зберігаються в архівосховищах України (Києві, Вінниці, Хмельницького, Львова) та Росії (Санкт-Петербурга і Тобольська).² Що стосується інших родів джерел, таких як наративи і фольклор, то вважаємо, що вони, в цілому, мають значно меншу цінність, в сенсі вірогідності та автентичності, ніж діловодні джерела. Адже їм притаманні не завжди достовірні свідчення щодо окремих вчинків і сторін життя У. Карманюка та його співучасників. Тому саме матеріали діловодства можуть бути підставою для перевірки вірогідності інших джерел.

Найчисленнішою і найбільш представницькою групою документів в структурі джерельної бази є слідчо-судові матеріали, які налічують 24 справи. Слідчо-судові справи охоплюють, як у часі, так і у просторі, весь період розбійницької діяльності У. Карманюка: від здійснення ним перших протиправних дій у 1813 році й до загибелі в 1835 році. В кількісному відношенні даний вид джерел представлений у хронології наступним чином: за 1813-1824 рр. – 2 справи,³ за 1825-1835 рр. – 18 справ⁴; ще 4 справи⁵ виникли протягом 1837-1852 рр., тобто вже після загибелі У. Карманюка, але були наслідком розслідування і винесення вироків в зв'язку із найгучнішими діями його ватаги у 1830, 1833 і 1835 рр. Як бачимо, два основних періоди в історії опришківства неоднаково представлені джерелами. Проте, це може свідчити як про низьку інтенсивність дій У. Карманюка та його співучасників, переважання “тихих” протиправних вчинків, так і про перебування ватажка тривалий час в місцях позбавлення волі.

Комплекс слідчо-судових справ, як і матеріали діловодства, включає джерела багатьох різновидів. Їх особливістю є те, що вони, крім суто процесуальної документації – протоколів допитів підозрюваних, заяв і показань потерпілих і свідків, описів і реєстрів речових доказів, “мнених”, визначень і проектів вироків судів та їх затвердження і рішення у вищих установах, – містять чимало різновидів діловодних документів. В той же час, наявність широкого представництва джерел, різних за походженням, формою та змістом, дозволяє всебічно вивчити факти, і, що не менш важливо, фіксує, крім обвинувачених, коло інших осіб, причетних до справи.

Таким чином, репрезентативність слідчо-судових справ дозволяє стверджувати, що з усіх видів документальних джерел саме вони становлять серцевину джерельної бази дослідження історії розбійництва на Поділлі, пов'язаного з іменем легендарного У. Карманюка (1787-1835 рр.).

За виключенням однієї справи за 1814-1818 рр., всі інші збереглися у повному складі. Однак докладна її “сентенція” відклалася у справі “О преступнике Устиме Карманюке, который участвовал в ограблении людей в Литинском повете” за 1822-1829 рр.⁶

Евристична та едиційна робота, щодо документальних матеріалів, які містять інформацію про У. Карманюка і соціальне явище, пов'язане з його ім'ям має певну традицію починаючи ще з 70-х XIX ст., однак її археографічне освоєння розпочалося лише з поч. 20-х рр. XX ст. і продовжувалося зі значними перервами до кін. 80-х рр.⁷ Єдиним тематичним археографічним виданням з даної теми є збірник документів “Устим Карманюк”,⁸ що вийшов у 1948 році і вмістив 208 документів з десяти слідчо-судових справ, відомих на той час науковцям, а також витяг з метричного запису про хрещення У. Карманюка та уривок з церковного

літопису с. Каричинців Шляхових про його загибель. На думку відомого російського джерелознавця Б. Г. Литвака згаданий збірник виконав важливу евристичну функцію, подавши в археографічному вступі перелік відомих на той час справ. Проте, загальна передмова, яка має швидше публіцистичний, ніж науковий характер, узагальнення, на підтвердження яких її автори посилаються на сумнівні за змістом і походженням псевдофольклорні твори, вміщені у цьому ж збірнику, а також, в цілому, низька археографічна культура не сприяє довірі до нього, як до вірогідного історичного джерела.⁹

Нами з'ясовано, що з 210 документів, які увійшли до збірки, лише 109 опубліковано в повному обсязі. 21 документ (№4, 5, 10, 13, 20, 23, 38, 40, 59, 61, 64-66, 78, 88, 94, 99, 114, 139, 161 та 208), мають вилучення певної частини тексту без позначення пропусків трикрапкою, хоч у заголовках упорядниками зазначено повну публікацію (наприклад: “свідчення”, “вирок”, ”рапорт”, ”допит” і т. п.). При порівнянні надрукованого з текстами їх архівних відповідників з'ясовується, що у більшості випадків вилучена та інформація, яка, очевидно, не вписувалася в усталений образ У. Карманюка як народного героя, борця проти поміщиків.

В археографічній передмові автори вказали, що “деякі документи подані скорочено, при цьому випущено повторювання та місця, що не додають нічого або майже нічого нового до даної теми”. Зрозуміло, що публікувати повний обсяг документу іноді є недоцільним, особливо “екстракти”, витяги з “журналів” або “сентенції” з слідчо-судових справ, які мають по декілька десятків аркушів. Проте, упорядниками вилучалися з джерел найбільш принципові місця, які мають значні потенції стосовно вивчення ходу, обставин, характеру дій У. Карманюка, ставлення до їх діяльності представників різних соціальних станів, і в першу чергу селянства, з'ясування соціального складу спільників У. Карманюка, мотивів та мотивації їх співучасті, поведінки під час слідства тощо. В багатьох випадках упорядники припускалися відвертих фальсифікацій і необґрунтованих скорочень текстів джерел, що призводило як до загального зменшення інформаційного потенціалу опублікованого, так і до втрати цінної інформації. Принципом відбору була знову ж таки відповідність документів – намагання упорядників слідувати наперед заданій схемі “антикріпосницької” спрямованості дій У. Карманюка. В наслідок цього, подані у збірнику витяги (екстракти, сентенції) з слідчо-судових справ – а це 35 джерел з восьми справ – не тільки не відображали всіх їх інформативних можливостей, а й часто спотворювали їх зміст. Суцільно вилучалися місця, в яких йшлося про розбій, грабунки, дрібні крадіжки, вбивства, вчинені У. Карманюком та його спільниками по відношенню до представників селянства, шляхти та євреїв-міщан. При цьому нерідко заголовки опублікованих документів не відповідали їх змісту. Таку практику

довільного поводження з текстом документів Б. Литвак справедливо назвав археографічним волонтаризмом.¹⁰

Слід відзначити притаманну цій збірці практику масового (80 документів) скорочення тексту документів. В археографічній передмові автори вказали, що “деякі документи подані скорочено, при цьому випущено повторювання та місця, що не додають нічого або майже нічого нового до даної теми”¹¹. Зрозуміло, що публікувати повний обсяг документу іноді є недоцільним, особливо “екстракти”, витяги з “журналів” або “сентенції” з слідчо-судових справ, які мають кілька десятків аркушів. Проте упорядниками вилучалися найбільш принципові місця, які мають значні потенції стосовно різноманітних проявів розбійництва, тактики, мотивів і мотивації дій, соціальних характеристик членів ватаги, поведінки на допитах і очних ставках, реакції на їх діяльність різних верств населення і, в першу чергу, селянства тощо. Проте інформативні можливості джерел дають із значним ступенем вірогідності з’ясувати дані аспекти.

Зокрема, у документі №4, який у збірнику має заголовок “З рапорта економії села Овсяників Літинському нижньому земському суду про напад Кармалюка на заможного хуторянина – “хозяина” села Овсяників Леська Базилицького” від 12.03.1822 р.,¹² де повідомляється про факт і обставини розбійного нападу з метою пограбування, подано: “... начали рубить ножами и топорами ...”, випустивши: “ножем от ножа раз возле раза; после в живот насквозь пикою его [Л.Базилицького – **В.Д.**] прокололи”¹³. Також після опублікованого: “...дабы им боле денег давал...” випущено – “хазяин в крови плавающий, когда уже ослабел и говорит не мог – с его женой начали тоже самое делать: “Я им – как говорит – до 100 злотых [що дорівнювало 15 російським карбованцям – **В.Д.**] разною монетою отдала, но они желая более – начали ей ноги ножами и пикою калечить”¹⁴. В іншому місці цього ж документу, де йдеться про втечу трьох опришків з місця злочину, упорядники, очевидно, “забули” позначити пропущений текст трикрапкою – після слів “оставили ключ железный” – необхідно “коим зубы хозяину выбивали”. Нарешті, в кінці документу пропущено: “хозяева оба суть без надежды жизни весьма сранены. Послано на скорости по цырульника в Менжиров, с [...]”¹ просить для помощи тех несчастных; потребовал от коль надлежит о присылке окружного лекаря для пользования терпящих”¹⁵.

Важливу інформацію вилучено також і з власних зізнань Карманюка (док. №114)¹⁶ про серію крадіжок і грабунків та реалізацію награваного у 1814 та 1826-1827 рр.¹⁷ Та й назву опублікованого документа упорядниками подано неадекватно, як “Свідчення Кармалюка ... про перебування його з

¹ Слово написано нерозбірливо.

товаришами (в 1826 році) в селі Думенках та вчинення нападу на шляхтича Островського”.¹⁸

Так, зокрема, з поданої у збірнику “сентенції” зі справи за 1814-1818 рр., яка є унікальним джерелом для вивчення особливостей початкового періоду протиправних дій У. Карманюка, з 21 пункту вироку військового суду упорядниками подано лише чотири, та й то усі в скороченому вигляді. Головний акцент в них робився на нападі на помешкання заможного селянина І.Сала і підпал винокурні поміщика Пігловського.¹⁹ Разом із тим, інформативні можливості згаданого першоджерела містять факти крадіжок, грабунків та розбійних нападів, здійснених по відношенню до кріпаків, і передусім односельців, дозволяють, в багатьох випадках, внести корективи в наші уявлення про спрямованість, характер, соціальний склад ватаги У. Карманюка, уточнити кількісні та якісні показники, з’ясувати мотиви й мотивацію їх дій тощо.

В контексті згадуваного нападу і вбивства І.Сала, як видно з наведеної нижче “сентенції”, що головним мотивом з боку ватаги розбійників стала, не якась абстрактна помста “сільському глитаю за експлуатацію своїх односельців”²⁰, а отримана інформація про позичку потерпілим перед тим чималої суми грошей і бажання наживи. Крім того, не останню роль у жорстокому катуванні жертви відіграло надмірне, і в значній кількості, вживання перед нападом, алкогольних напоїв.²¹

Таким чином, відзначені недоліки публікацій документів впливають на кінцеву довіру до них як вірогідних джерел дослідження історії розбійництва на Поділлі та найвизначнішого його представника – Устима Карманюка.

Подібний підхід до першоджерел й в цілому до вивчення зазначеної теми на довгі десятиліття визначав пріоритети і акценти при висвітленні постаті У. Карманюка в історичній літературі. З одного боку дана тема завжди знаходилась в полі уваги науковців, проте відставання введеної до наукового обігу джерельної бази від реально існуючої не сприяло її історіографічному освоєнню та написанню, на її основі, науково вартісних праць з даної проблематики.

Відтак, для створення всебічних, повновартісних джерелознавчих та конкретно-історичних досліджень проблеми необхідною умовою є повна публікація всіх відомих науці писемних джерел або, принаймні, репрезентативної, генеральної їх сукупності, в якій були б враховані недоліки попередніх археографічних видань. Сподіваємось, що публікація джерел, яка здійснюється в даній статті послугує поштовхом до систематичного археографічного освоєння діловодних писемних джерел, комплексного їх вивчення, сприятиме створенню конкретно-історичних праць, підвищенню ступеню їх доказовості та професійності.

Текст документу подається з максимальним збереженням особливостей орфографії, пунктуації та стилістики. Виключення складає

написання літер “Ъ ” та “і”, які замінено нами, у відповідності до сучасної російської орфографії, відповідно на “е” та “и”, а також “ѣ” на кінці слів, що закінчуються на приголосні, які нами з тексту документу випущено. Відсутні у скорочених словах літери подаються у квадратних дужках. Нерозібрані, а також пропущені в тексті документа окремі слова і знаки пунктуації подаються нами у квадратних дужках. Підкреслені у документі слова подаються у підкресленому вигляді. Речення і окремі слова прямою мовою подано нами курсивом.

Сентенція справи в комісії військового суду при Камянець-Подільському “ордонанс-гаузі” про дії Устима Карманюка і його спільників у 1813 – 1814 рр. та судові вироки 1814 і 1818рр.

Сентенция

По указу его императорскаго величества учрежденная при Каменец-Подольском ордонанс-гаузе* комиссия военного суда, слушав выписку из дела, произведеннаго над подсудимыми рекрутами Данилом Хроном и Устином Карманюком за учинившие ими Литинскаго повета разные грабительства и сожжение селения Дубовой крестьянина Ивана Салу, по коей описывается, как то:

Первое: начальню на допросе рекрут Данило Васильев сын Хрон, имеющий от роду 26 лет, не грамотен, холост, уроженец Подольской губернии, Литинскаго повета, села Дубовой, из помещичьих крестьян, в службе состоит с 1809 года рекрутом, в походах и у дела против неприятеля не бывал, по суду прошлаго 1814 года июля м[еся]ца в Каменце за побег наказан по конфирмации высшаго начальства шпицрутенюм сквозь пятьсот человек один раз; показал, что он, Хрон по наказании отправлен был с командою неизвестен куда, учинил при переходе первого тракта в ночи из неизвестной ему деревни второй раз побег с Устином Карманюком, но он, Хрон смертоубивства и грабительства крестьянину Сале никакого не учинил. Кроме как только виновен во втором побеге, до сего Ивана Салу мало знал. Когда еще находился в крестьянстве в себе Дубовой и знакомства с ним никакого он, Хрон не заводил и откуда все то на него, Хрона взведено он неизвестен, и когда же зделав во второй раз побег, то он, Хрон и в селе Дубовой вовсе не был, а находился не более недель шесть в лесах Литинскаго повета с Устином Карманюком.

Пропитание себе имели выпрашиванием у едущих по дороге милостыни; и иногда случалось у пастухов воровали хлеба, а напоследок

* Так до 60-х рр. XIXст. називались комендантські управління воєнних гарнізонів

в лесу были оба пойманы из села Дубовой крестьянами и представлены в Литинский нижний земской суд, где содержались более полугода в тюрьме под караулом, а потом препровождены в Каменец для суждения за побег. Знакомство он, Хрон возымел не прежде с Устином Карманюком, как только когда вместе содержались под караулом в Каменец-Подольском ордонанс-гаузе и по наказании отправлены; с коим с дороги бежали, но пред тем он его не знал.

И Устин Якимов сын, Карманюк имевший от роду 28 лет, не грамотен, женат, уроженец Подольской губернии, Лининского повета, села Головчинец, из помещичьих крестьян, в службе состоит в 1812 года рекрутом, в походах и у дела против неприятеля не находился. В продолжении рекрутской службы был под судом за побег 1814-го года в июле м[еся]це, и наказан по конфирмации высшаго начальства шпицрутенами сквозь 500 чело[век] один раз; ответствуя, что по наказании был он, Карманюк с протчими отправлен с командою в город Крым и при выступлении из Каменца с первого тракта, неизвестно ему из какого места, зделав с другим своим товарищем Данилою Хроном, подговоря его во второй раз, побег, в коем и находился не более шести недель Литинского повета в лесах; пропитание имели мирским подаванием и иногда случалось вооровали хлеб у пастухов, где и пойманы были села Дубовой крестьянами. Он, Карманюк смертоубийства крестьянину Ивану Сале и грабительства никакого не учинил и даже и в помышлении его не было, да и крестьянина села Дубовой Ивана Салу вовсе не знает и в селе Дубовой никогда не был и никакого нигде смертоубийства и грабительства не учинил, кроме как выше в 5-ом пункте вторичный побег; с сотоварищем Данилом Хроном он познакомился во время нахождения под караулом в Каменец-Подольском ордонанс-гаузе, с коим и зделав с дороги в недалнем разстоянии от Каменца, побег; прежде ж сего он, Карманюк с ним, Хроном не был знаком и вовсе его не знал, и потом когда их поймали в лесу, то представили в Литинский нижний земский суд, где и содержались вместе в тюрьме под караулом месяцев семь и, напоследок отправлены для суждения в Каменец, все то значится в деле на листах 193-м, 194-м и 195-м.

Второе: Каменец-Подольский комендант господин полковник и кавалер Силин в предписании за №703, изъяснив, что по учинении с делами покойнаго коменданта генерал-майора Гана выправки оказалось: находящиеся ныне под судом в сей комиссии рекруты Данило Хрон и Устин Карманюк по наказании прошлаго 1814-го года августа 13-го числа были помянутым комендантом отправлены при отношении к командовавшему тогда здешним горнизонным батальйоном майору Черцу с №1053 в числе 111-ти человек по предписанию Херсонскаго военнаго губернатора господина генерал-лейтенанта и кавалера Дюка де-Решелье для

препровождения в город Крым к определению на службу в полки, там расположенные. Сие означает по делу на листе 197-м.

Третье: По уличению Хрона и Карманюка показанием крестьянина селения Дубовой Ивана Ткачука в пополнение: рекрут Хрон ответствуя сознавши показание Ткачука, что действительно он, Хрон, находясь в побеге из рекрутской партии имел пристанище Литинского повета в лесу Дубовском, в летнее время хаживал неоднократно в село Дубовое к Ивану Ткачуку, который его кормил. Сие было таким образом, что будучи он, прослужа в рекрутской партии не более полугода в 1810-м году из оной зделав побег с квартир из местечка Чуднова, оставя всю рекрутскую удежду и пробрался разными местами к селу Дубову, где находился все лето в Дубовском лесу. Пропитание имел доставлением от тамошнего жителя крестьянина Ивана Ткачука, а в сентябре м[еся]це пошел Ямпольского повета в село Семеновку, где находился во услужении за неведома беглаго у вдовы попадьи Сиваковской до Фоминой недели. Заработав себе сукна на епанчу и платок бумажный, кои вещи продал в местечке Межирове на базаре неизвестен кому: платок за 10 злотых, а сукно за 28 злотых, и прийдя обратно в Дубовской лес, где пробыв не более недели две, и потом около села Дубовой был крестьянином Максимом Рабошуком пойман и представлен в фольварок Багриновский, а от онаго в Литинский нижний земский суд, которым отправлен в Чудновское рекрутское дело, откудаго, по наказании розгами чрез полгода бежал обратно в село Дубово, и при следовании в оное зашел в город Бар с намерением дабы уворовать что-нибудь, где остановясь на квартире у тамошнего цырульника еврея, по имени и прозванию его не знает, объявля ему, что он, Хрон есть крестьянин Литинского повета села Дубовой, был послан от своего господина для барской надобности и в дороге зделался болен на лихорадку, дабы он, цырульник его вылечил, за что ему обещал заплатить и в продолжении трех дней во время лечения уворовав у него женскую исподницу шелковую, две бритвы, ножницы и платок, которые пришедши в село Дубово отдал Ивану Ткачуку, исключая платка, каковой неупомнит куда подел, а полагает, кажется, в дороге утерять. Потом по прошествии двух или трех дней пошел от Ткачука, сие было как припомнит, в 1812 году, в осени, Ямпольского повета в село Сатновцы, где нанялся во услужение к тамошнему объездику шинков Яну Виралевичу, не за ведома беглаго, у коего пробывши с м[еся]ц, уворовав два бумажные платка, три шнура каралев, холста 15 или более [пасом] сущим не помнит, и две пары нитяных чулок, из которых вещей продал платок в Копыстеренской трактовой корчме шинкарю, ему неизвестному за 2 польских злотых, а с прочими пришедши в Великой пост за неделю или прежде, настояще не помнит, пред Благовещением 1813-го года в село Дубову к Ивану Ткачуку и отдал

таковые вещи на продажу. У него пробыл несколько дней, а после пошел с ним на воровство. Зашли в Овсяннической лес, где познакомились с Устином Карманюком, отданным в рекруты из села Головчинец и паробком села Клопотовец, хоронившимся от рекрутства Никитю Удодовым. Сговорясь все четверо, пошли села Дубового к крестьянину Максиму Катрышину, разбили в ночи комору и вынули из нее штук несколько яблок, яиц с копу, прядева и отдали таковые все вещи Ивану Ткачуку, а потом пошли все трое, а Ткачук возвратясь домой села Дубовой, к крестьянину Федьки Шевчуку [стали-В.Д] пытать его, дабы он показал кто богат, у кого есть деньги, вести их к соцкому Матвею Хорому. На то он сказав, что у соцкого нет денег, то дабы вел до Ивана Салы. Отвечал таковой, что и у Ивана Салы также нету, то его за то били, но ничего у него не уворовали. От коего пошли все трое в Овсяннической лес, имели при себе первые двое, то есть Удодов и Карманюк, вроде казацких списы, а у него, Хрона была нагайка. Побывши малое время в том лесу, потом ходили в село Головчинцы к дяде Карманюкову Максиму Ковалюку, которой дал им пшена, хлеба и сала. Пошедши одного дня от него, обворовали того села крестьянина Ковалю. Уворовав шапку, муки житной с корец и воску с полтора ока, каковой воск отдали на дороге шедшему шляхтичу Крыжановскому за то, чтобы написал им паспорт: он обещал, но не исполнил. С тем пошли того же села к еврею [села] Майдану[Головчинецкого], уворовали у него два рубли серебром, сукна, перину и две подушки, да у арендаря [корчмы], по имени и прозванию не упомнит, расточили водки и вишниовки бочку: несколько забрали с собою и пошли с тем в лес Овсяннический, куда шедши, вещи забратые схоронили на дороге, в скирду сена, а с водкою пришедшие все трое в село Дубово к Ивану Ткачуку, сие было пред Благовещением или [в] самой праздник Благовещен[ия], настояще не упомнит, не заставши его дома, а только была дома девка, жены его Ткачука родная сестра Параска, где выпили водки с тою Параскою, повечеряли и пошли уже поз[д]но, взяв с собою водки в Овсяннической лес. После того, на другой день утра, опять пришел к Ткачуку, отобрав от него за проданные карали и холст деньги, взяв шесть рублей серебром, а остальные 4 рубля отдал ему Ткачуку, возвратясь обратно в лес к Карманюку и Удодовому, а напоследок чрез несколько дней прийдя опять к нему Ткачуку все трое велели вынести боченок в лес, что он и выполнил и того же вечера ходили он и Ткачук в село Головчинцы, где набрали дурно у жида из погреба водки с боченок и два глечика, пошли себе опять в лес, а Ткачук домой, взяв с собою боченок водки. На другой день рано пришли обратно к Ткачуку и были у него до самого вечера, а потом выпивши водки повечеряли и взявши таковой с собою, пошли к Иване Сале, но Ткачуку об оном не объявляли, а имели о том сговор между собою за несколько пред

тем дней, и когда он их спрашивал куда идут, на то ему отвечал он, Хрон: *''В Головчинцы огурцов искать в стаеу''*. С тем самым пришедши к дому крестьянина Ивана Сала с намерением, дабы что получить. Тогда уже было подзд[н]о и огня у него, Сала не было. Кричал отворить дверь, то он, Сало и какая-то женщина вышли, отворили, засветили свечу, перевязали всех его наймутов и родни. Спрашивали от него, Сала денег, то он отворил свою сумку, где нашли 11 рублей серебром и несколько drobных, кои взяли. Пытали еще более, но он сказывал – *''Нету''*. Сыпали в сапоги жару и совали в сапоги ноги: но он отвечал и на то – *''Нету более денег''*. Потом давали ему водки пить и на него лили оную, подпалили его соломою, но ничего от него недопытались: забрали несколько вещей с собою. Запалили в сенях солому, для того дабы вовремя пожару, когда народ сбежится, не могли бы опознать кто такой был, а сами пошли в Овсяннический лес, со всеми забратыми вещами и деньгами. Более никто на сём произшествии, кроме его Хрона, Карманюка и Удодова [не был], и то все были в избе, а не на дворе. Естли же кричали: *«Подавай водки, козаку!»*, то сие были они, только и подавал водку тогда Удодов, а никто иной из посторонних. После чего чрез несколько времени приходили к нему, Ткачуку, все трое с водкою, у кое[го] напильсь и тогда действительно он, Ткачук, им говорил не они ли спалили Ивана Салу, а они на то проговорясь, будучи уже пьяны, говорили с сожалением: *''Напрасно сбавили человека [жизни], нашли только оди[н]нацать рублей и несколько drobных''*, а что сказывали о панке, якобы говорил им, что отдал Сале денег полторы тысячи и они в намерении отобрать их, то о том им сказывал Никита Удодов, а не панок. И тогда сказал им Ткачук: *''Слыхать, что их ищут и было следствие, а они где были[?]''* – на то говорили ему: *''В Слободецком лесу''*. Просили, чтобы он, Ткачук, никому о том не вынес, а то будет то же, что и другим. Затем пошли втроем обратно от него в лес. Прихаживал к Ткачуку несколько раз из лесу один, без Карманюка и Удодова, ходил он Хрон, с ним Ткачуком, в город Литин, купил он для себя сапоги, а Ткачук себе постолы и баночку на водку. Пришедши вечером вместе домой к Ткачуку посылал его в Овсянники до коваля, чтобы подковал сапоги, на что Ткачук отговаривался, а он Хрон, заверил его, что как тот Коваль делал ему спису, то не боится, подкует и сапоги. И он с тем пошел. Потом, пришедши к нему, он, Хрон, уже Карманюка в лесу поймали, взял обулся в сапоги и пошел тут же недалеко спать на луг в бурьян, где его, Хрона, и поймали жители селения Дубовой с девкою, сестрою жены Ткачука Прасковьею, творившего блудодеяние и представлен с оною в селение Багряницы, а оттуда в Литинский нижний земский суд, где содержался несколько времени в тюрьме, а потом отправлен с Устином Карманюком для суждения в Каменец. Но предъ же сего, ходили в село Дубову к крестьянину Максиму Рабощуку:

причинили ему побои, и взял он, Хрон у него ременные постолы. После ходил один он, Хрон к дубовскому соцкому Хорому, так же нанеся ему побои за то, чтобы он не делал его матери обиды. После того в селе Головчинцах сжег он, Хрон с Карманюком и Удодовым винокурню, по злобе Карманюка на помещика Пигловского. Во все время его побега жил он, Хрон с Карманюком с Ткачуковой жены сестрою, девкою Прасковьею так как с женою, но таковая во всех грабительствах не то, что участвовала, но даже о том всем не была сведуща. Вещей и денег оной никогда не давал, да и другие никто, кроме как выше объявил, показал не были соучастниками и сведущими. После того, когда по осуждении его с Карманюком в Каменце и по наказании шпицрутеном сквозь пятьсот человек по-одному разу, добавляя к сему он, Хрон, что прошлаго 1814-го года в августе м-це числа неупомнит, был он, Хрон с Карманюком с командою отправлены для определения на службу, но куда, того не знает, с растахи ** Каменецкого повета, из селения Пановцов согласившись он, Хрон с Карманюком и прочими, как то Коночивчуком, Когутом и Лебедчуком, в пятером сделали побег, пробравшись Литинского повета в леса Головчинец и были вооружены с дрюками и делали нападения в чертвером, а Карманюк тогда был слаб, лежал в лесу, а именно:

1-е. Пришед села Дубовой к дому крестьянина Сидора Ионенка, хотели подкопаться в его комору, но не удалось, он услышал, предостерегся, выскочил на верх хаты, закричал и тогда на крык ударили колокола в набат, то они все разбежались.

2-е. Отбили ночным временем в том селе у крестьянина Ивана Бевза двери двух комор, выкрали несколько сыру, сала, да из вещей шапку, шаровары, пояс, сапоги и полотна сверток, кои вещи остались, кроме шапки, у известных товарищей, а шапку он, Хрон взял.

3-е. Вынув окно у крестьянина села Дубовой Петра Андреева, влезли в избу, уворовали шкуру выделанную, ремень на сапоги и несколько печёного хлеба, так же все то осталось у упомянутых товарищей, а он, Хрон, ничего не взял.

4-е. На дороге в лесу Головчинском встретили едущего села Дубовой крестьянина Онищука с женою. Отобрали от него кожух и с жены его платок, и сколько-то, не примомнит, денег, которые забратьые вещи остались у товарищей, а денег по разделу досталось ему, Хрону два рубля серебром. И после того, пришедши он, Хрон в лес Головчинецкий к Карманюку, где был чрез несколько времени с ним вместе, громадою пойманы и представлены в Литинский нижний земский суд, а из онаго по допросе препровождены для суждения в Каменец: но показанные им, Хроном товарищи все ушли и пойманы или нет неизвестен.

** Так у тексті.

Карманюк ответами против показания Хрона во всем сознавая, кроме только не признает Хроном о ограблении и сожжении крестьянина села Дубовой Ивана Салу. Сие на него показывает Хрон несправедливо. Все то по делу видно на листах 199-м, 200-м и 202-м.

Четвертое: На очной ставке Хрон уличая Устина Карманюка, что в прошлом 1813-м году действительно ходил он, Карманюк с ним, Хроном, Никитою Удодовым и Иваном Ткачуком на воровство села Дубовой к крестьянину Максиму Катрышину, разбили в ночи комору и взяв из оной несколько разных съестных припасов и прядева, отдали все то Ткачуку, а потом все трое ходили, кроме Ткачука, к Федьке Шевчуку спрашивали его, чтобы он показал у кого есть деньги, повел бы их к соцкому Матвею Хорому: но тогда тот Шевчук сказал: «У него нет денег», то повел бы их к Иване Сале – «И у того – нету» - ответил. За то его, Шевчука били. От него пошедши в Овсяннической лес. У него, Хрона была нагайка, а у Карманюка и Удудова- казачьи списы.

Потом ходили в село Головчинцы к Карманюкову дяде Максиму Ковалюку, которой тогда дал им пшена, хлеба и сала. Пошли от него, обворовали того села крестьянина Ковалюка- уворовав шапку, муки житной с корец и воску с полтора ока. Ходили от него к еврею Майдану, уворовали у него два рубля серебром, сукна, перину и две подушки. Да у арендаря еврея, по прозванию неизвестнаго, растащили водку и вишневки бочку: несколько взяли с собою. Ходили в Овсяннической лес, а забратые вещи схоронили на дороге в скирду сена. Приходили все трое с водкою в село Дубовое к Ивану Ткачуку на праздник Благовещения и не застали его, Ткачука дома, а была только дома жены его, Ткачука, родная сестра Параска, где с нею распили водку. Повечерявши, пошли уже от ней позд[н]о в Овсяннической лес, взяв с собою водки, а на другой день он, Хрон один приходил, отобрал от него, Ткачука за проданные корали и холст деньги – шесть рублей серебром. И после того, чрез несколько времени, приходили все трое к нему, Ткачуку, и он тогда по приказанию ихнему выносил бочёнок в лес, и того же вечера ходил и Ткачук, с ними в село Головчинцы набирали дурно у жида из погреба водки в бочёнок. Пошли в лес с водкою в бочёнке обратно, а Ткачук – домой. На другой день приходили к нему, Ткачуку и были до вечера, а потом напившись водки повечеряли, взяли водки с собою, пошли к Ивану Сале, а Ткачук и другие никто о том не были известны, с тем, чтобы его ограбить: но когда и таковой Сало хотя и показал свою скрынню, в коей взяли один[н]адцать или более рублей серебром денег, но все деньги не показывал, то его чрез пытку сожгли. А люди в доме его все были связаны.

Устин Карманюк во всем том не запираясь, только отменяя говорит, что несправедливо на него Хрон показывает, что якобы ходил он, Карманюк с ним Хроном и Удодовым ограбить Ивана Салу и сожгли. Он,

Карманюк не то что ходил с ними, да и вовсе будучи в проезде с Хроном, о том до сего времени не знал, кто ограбил и сжег крестьянина села Дубовой Ивана Сала. При том не знал какие деньги за корали взял он, Хрон у Ткачука; и он о таковых коралих никогда не говорил ему, Карманюку.

Хрон же противу Карманюка говорит: *“Так, правда, что он о деньгах за корали, взятые от Ткачука ему не говорил и о таковых может он не знал, но деньги те вместе пропили”*. И о Сале уличая, сказывая ему, Карманюку в глаза: *“Как же он, Карманюк не ходил с ними, Хроном и Удодовым к крестьянину Ивану Сале воровать?! Еще пред тем, помнишь ли? Уж ничего, сколько не сидеть, а должно правду сказать, как в лесу Овсянническом, пришедши от Федьки Шевчука, соворившись ограбить Ивана Салу. Еще Удодов сказывал, что не правда [Ш]евчук говорит, что у Сала денег нет, и он, Карманюк тогда тоже подтвердил, что точно, у него, Сала деньги должны быть”*. При том же говорит Карманюку: *“А помнишь ты, когда мы стали делить после Сала деньги, он [Карманюк – В.Д.] еще более всех взял”*. На то Карманюк сознавая подтвердив при уличении Хрона, что ведь он, Хрон его, Карманюка к тому тогда подговоря, а не он сам его к тому склонял, и он, Хрон в том виноват”. – Сие значится на листах 206 и 207.

Пятое: – И по делу следствием произведенному от Литинскаго нижняго земскаго суда оказалось следующее: сестра крестьянина Ивана Салы Горпина Григорова, имеющая от роду 50 лет, служанка его, девка Явдоха Черниова, имея отроду 18 лет, пасынок Антон Яковлев Сорока 18 лет, служитель Петр Данилов 12 лет – все показали, что после Благовещения в следующую неделю, то есть с 30 против 31-м числе марта м[еся]ца 1813 года на хуторе онаго Сала, разстоянием от Дубовой не менее версты состоящей, где и они при Иване Сале жили, с вечера поздно пришли неизвестные люди, кричали: *«Отвори, мужик!»*, а между тем говорили *«Антоне, Антоне, отчины!»*. Когда Иван Сала и сестра его, Явдоха запалили свечу, вдруг связали Ивана и всех их, требовали денег: отворили скрыню, взяли 18 рублей серебром и несколько мелких денег, числом их было в хате три, а на дворе несколько: попривязовали до стола и лавок, а сами обмазавшись в сажу, водили Ивана Сала, чтобы показал, где деньги. Напоследок один, бывший в польской чимерке, обложенной сывыми барашками и в сивой шапке кричал: *«Козак – подавай водки!»*, а прочие в кожухах. И тогда один из-за окна подавал водку, которой они все три обливали Ивана Салу и подпаливали соломою. Затем насыпали жару в сапожные голенища, на землю положили его, Салу и пригнетали до жару коленками и ногами. За всем тем, забравши все вещи из двух комор, [сказали]: *«Давно мы уже на тебя важжили!»*. После, подперши хату колодьем, запалили в сенях солому, а сами ходили около хаты. Тогда из них одна другую развязали и подошед к окуну, то их за то ударили

списою и только рубашку пробил вдове Горпине и , как зачало крепко гореть, то зазвонили в звоны на гвалт – они все ушли. В те поры спеченного Ивана Сала, которой еще был жив, вытащили чрез окно, а сами ушли и тем спаслись от огня, от коега хата и хлевы с овцами и нерогатизною погорели, да пашни разной 40 корцов, а всего за присягою сын сожженного Ивана Салы Яков Салов подтверждая, понесено убытку в худобе и других вещах на тысячу четыреста злотых.

Шестое – Селения Дубовой крестьянин Федор Шевчук, 47 лет, ответствуя, что прошлого 1813-го года в марте м[еся]це в понедельник, то есть 24 числа под праздник Благовещения, ночью пришли неизвестные люди, требовали отворить двери, коих он отворил и пришедши в хату три или четыре человека, коих по темноте ночи и по неимению огня, не заметил. Требовали сперва хлеба, а на последок денег, скзывая: *«Веди, где гроши есть»*, яко до соцкаго Хорого и до Ивана Салы, а когда он Шевчук отвечал: *«У них грошей нет»*, то зачали его бить и спрашивали знает ли он, кто [его] бьёт, на то отвечал, что по-голосу познал – шляхтич Малишевский. В те поры зачали крепче его бить, говоря, что не правда, не Малишевский, а Грицко Михайлов и Ивась Бенерив (кои в Елисавет[град] отданы в рекруты). Наконец, связав руки, мерили тиранить, а как он закрычал, то один из них ударил в окно палкою и вышиб оное. Ушли, кроме тех, кто в хате находились, еще были другие в снях и на дворе. Затем, когда куры запели и на крык его надошед сосед Яким Качан, развязал. Вскоре настал день, при сем тиранстве ничего не взяли, кроме мучили.

Седьмое – Шляхтич Крыштоф Малишевский, имевший от роду 35 лет, объясняя, что касательно показания Федора Шевчука, он Малишевский совсем в Дубовой не был во время Благовещения и в ту ночь ночевал дома, что засвидетельствуют ночевавший у него, Малишевского, приходивший из Буцень шляхтич Дубецкий и тамо живущие подданные пана Калиана [Залесского] Герасим, Коваль Гаврило, Лукаш Столяр и Иван Фурман. После Благовещения, пятого дня в неделю, то есть 30-го марта, ходил он в село Кулагу с Гаврилом и Лукашом – они по-своим делам, а он, Малишевский – для получения от тамошнего жителя Яська Антошука за зделанные им колеса вместо денег жита, и от толь воротились назад в Калиановку все три, еще зараня и в ту ночь ночевал дома, о чем знают и вышеписанные все четыре человека.

Восьмое – Шляхтич Томаш Дубецкий ответствуя, что он был один в понедельник пред Благовещением, то есть 24 числа, пред вечером в селе Багриновцах у тамо жительствующего шляхтича Маши[ц]каго и пополуденовавши пошел в сельцо, называемое Калиановку, и переночевавши там у шляхтича Малишевского. Ходили они оба с ним к помещику Калиану Залескому в имении коего он, Дубецкий хотел на

жительстве остаться, но не согласившись с господином Залеским он, Дубовецкий пошел 25-го числа, то есть в день Благовещенья, в Новоселицу Залужную, к сестре своей Пелинчевичевой, живущей у Хршановской и там был в церкви с сестрою и панною Хршановской. Малишевский же, оставался в дому, а жена его ходила с ним Дубецким в Новоселицу. И он вышедши из церкви вступил в дом Хршановской и заставши Малишевскую, пошел с нею в Калиановку и там переночевал у Малишевскаго, котораго в дому застал 26-го числа в среду. Пошедши в Новоселицу к Хршановской и взяла сестру свою Пилинчевичеву, явился у господина помещика Юзефа Заильскаго, у коего сконтрактовавши половину крестьянской хаты за 20 злотых на год – на что и дал ему Дубецкому того же числа на письме контракт, пошел обратно в Калиановку, и переночевавши у Малишевскаго в четверток 27-го числа пошел в село Буц[н]иовцы для забратия своего имущества. И более у Малишевскаго не бывал, а по перевозе нескольких вещей находится до сего времени в Новоселице в вышеозначенном законтрактованном домике; во время же ночлегов его чрез три ночи у Малишевскаго он всегда в дому ночевал и он, Дубецкой с ним, ни о каких злых покушениях не разговаривал.

Девятое. Жители селения Калиановки Герасим Коваль, Гаврило Назаров, Лукаш Столяров, Иван Кучеруков Фурман показали, что живущий [...] в Калиановке шляхтич Крыштоф Малишевский пред Благовещением и на самое Благовещение днием дома находился, а за ночь не ручаются; после Благовещения пятого дня, то есть в неделю 30 числа ходил он в село Кулагу, из них с Гаврилом Назаровым сыном и Лукашом Столяром до тамошняго жителя Яська Антошука за житом ярим, коего не отобрав, возвратился с ними двумя домой, еще за солнца и погода немного ходил с ними вечером до горальни, и от толь пошел домой.

Десятое. За присягою же жители города Бара, умершаго цырульника еврея Файвнома Мартковича, жена Хана Фромионичева ответствуя, что уворованное у мужа ея, умершаго, вещи стоящие по цене всего ассигнациями 27 рублей.

Одиннадцатое: Селение Дубовой крестьянин Иван Ткачук показывает, что прошлаго 1812-го года в яриные жнива пришел к нему, неупомнит какого м[еся]ца и числа, рекруг Данило Хрон, сказывал ему, Ткачуку, что был в Бару и лечился у тамошняго еврейскаго цырульника, от коего принес сподницу янажиову, две бритвы и одне ножницы, которые оставил у него, Ткачука, а платка не было. После Дмитрия, то есть 26 октября 1812 года, чрез два дни пошел от него опять неизвестно куда; и что он, Хрон делал, он Ткачук не знает, а 1813 года в Великий Пост, пред Благовещением, в тиждень, пришел к нему, Ткачуку он, Хрон, принес с собой коралев больших три шнурка, полотна тринадцатки – 20 аршин и толстого кусок – 5 аршин, чулок – 2 пары нитяных и платок[,] наподобии

турецкого сукна; сам же имел одежду: на шее белой платок, шаровары синие, сапоги простые, капоту, сукна тонкаго маковаго цвету с черными пуговицами, пояс шелковый полосатый, куртку сукна синяго тонкаго длиною по-колена с сивыми крыликами смушками вокруг[,] таковыми обложенную; по верху всего того платья – простую серую епанчу и шапку простых сивых баранков с суконным такового цвета.

Говорил ему Ткачуку он, Хрон, что принес все то из Шаргорода от какового-то объезд[д]чика шинков и проживал у него с тиждень, в течение котораго времени ходил он, Ткачук с ним, Хроном воровать ночью к Дубовскому крестьянину Максиму Катрышину, у коего взяли тайно из коморы муки полторы мерки, яблок полкопы, яиц копу, прядева – 30 кукол. В понедельник[,] пред Благовещением[,] 24 марта из числа вышеписанных припасенных вещей дал ему, Ткачуку Данило Хрон на продажу корали и полотно оба куска, платок же, бритвы и ножницы остались у него, Ткачука дома, а чулки он сам носил; он, Ткачук с женою своею в понедельник вечером пришел в Литин и ночевал тамо у жидовки Слепой, а на самое Благовещение продал в крамнице жиду Рибинчуку молодому: корали за 10 рублей серебром и полотна 5 аршин за 2 злотых, а 20 аршин – другой жидовке за 2 рубля и 2 злотых; того же дня пришедши он, Ткачук домой пред вечером девка, жены его Ткачука родная сестра, Параска Данилова дочь Шевцова объявила ему, Ткачуку, что с вечера под Благовещение приходил к ним Данило Хрон с Устином Карманюком и Никитою Удововым со списками и нагайкою; принесли глечик водки, котору пили сами и ея поили, повечерали, взяли с собою в две фляшки водки, пошли позд[н]о и того же самага дня, как на утро услышал мучили крестьянина Федька Шевчука села Дубовой в вечеру поздно. На Благовещение же прибежал сам Данило Хрон, взял от него, Ткачука вышеписанные деньги и дал из них ему 4 рубли и 2 злотых и зараз пошел, а в следующую субботу 29 марта пришедши все три к нему.

Сказали вынести бочонок в Курылиовский лес, там все они крылись. Он, Ткачук вынес и того же вечера ходили все четыре в Головчинцы и там у жида набрали из погребца водки в боченок и два глечика и на развете возвратились к нему, Ткачуку, в неделю[.] Чрез весь день пролежали у него на горе, а в вечеру напившись пьяны повечерли и взявши водки в две фляшки, пошли, сказывая, якобы идут в Головчинцы огурцов искать в ставу. И, были в одежде[:.] Данило Хрон, как выше он, Ткачук показал во всем, Устин Карманюк – в кожуху простом, поясе червоном, шапке черной, а Никита Удодов – в епанче черной, поясе пилипонском и шапке черной. Имели с собою две списы и одну нагайку. На другой день узнал он Ткачук, что спалили Дубовского крестьянина Ивана Сала на футоре; чрез две недели пришли опять к нему все три в той же самой одежде, принесли водки в двух фляшках, напились пьяны; когда

он, Ткачук их спрашивал не они ли спекли Сала, то все с раскаянием говорили: «Жалко, напрасно збавили человека[жизни]. Нашли только 11-ть карбованных и немного дробных. Один панок – не сказали по имени и прозвищу – говорил нам, что отдал Селе денег полторы тысячи и они в намерении отобрать их, мучили его и жгли водкою, но не признался, то они сами ходили везде искать денег со сверлом[,] и в погреб все три лазили для того, что ежели найдут деньги, то один пред другим не взял бы денег больше». И спрашивали его, Ткачука, что тут слышать[?] Когда он сказал им, что их ищут и было следствие, а они где были на ту пору[?] – отвечали: « В Слободском лесу», и говорили: «А теперь мы пропали, что человека спекли, и чтобы он, Ткачук молчал, а то прибьют, так как и других били в Головчинцах, Дубовой и Курьиловцах, и что они били Шевчуку за то, якобы он сестру Хронову обидил, и как Шевчук отзывался к ним, что Малишевский бьёт, то Хрон больше, больше его мучил, говоря: «Не Малишевский тебя бьёт, а Михайлов Гриць и Бенерив Ивась». И как от него, Ткачука пошли, то явились уже на запусы Петровчаны июня 8, только Данило Хрон и Устин Карманюк уже не в платье, как прежде - был Данило одет; и на вопрос его сказал Данило Хрон о вещах, что капота и пояс носили продавать в корчме на «Выдумке» к арендарям Гершке и Волю.

Двенадцатое – Сестра жены его Ткачука, Прасковья, имевшая от роду 18 лет объясняет, что беглой рекрут Данило Хрон разновременно приходил в дом их и в различных одеждах, так точно как показал Иван Ткачук, а 1813-го года в Великий Пост с ним Данилом приходили Устин Карманюк и Никита Удодов, приносили водку, пьянствовали и их наповали; она обо всем знает, но чтобы они спекли человека Ивана Сала, она от них не слышала. Между тем временем, как он, Данило Хрон у них перебивал принудил ея к блудодеянию с ним, бил нагайкою и сказывал: «Заколю!»; она от страху принуждена с ним делать грех и спал с нею, Прасковью так как с женою; ребинка же накакого не прижил, а что они воровали и грабили ей, Парасковье не говорил и она ни о чем не знает.

Тринадцатое – За присягою селения Головчинец крестьяне Грицько Коваль, Павло Остапишин, Максим Вороница, Василий Музыка, Иван Шевчук объяснили, что уворовали Хрон, Карманюк и товарищ их Удодов – у первого, то есть Ковалья разных вещей и денег на сумму ассигнациями 53 руб.55 коп., у второго Остапишина поворовали вещей и денег ассигнаций 44 руб. 50 коп.; у третьего Вороницы поворовано разных вещей на 13 руб. 80 коп. – ассигнациями. У четвертого Музыки – поворовано вещей на сумму ассигнациями 70 руб.50 коп. У пятого Шевчука вещей и денег поворовано на 11 рубл.80 коп. ассигнациями.

Четырнадцатое – владелец селения Головчинец Пигловский, свидетельствуя, что 1813 года июня 30 дня спаленная в селении его

Головчинцах винокурня беглыми рекрутами Устином Карманюком и Данилом Хроном на последний конец стояла ему, Пигловскому тысячу польских золотых.

Пятнадцатое – за присягою же того селения Головчинец орендара Майдана[Головчинецкого], жена Хая Ицкова и зять Шимон Абрам Лейбович имеющие: 1-я 50 лет, 2-й 20 лет объяснили, что 1812 года ^{***} по Великодни в тиждень сие было в пятницу против субботы ночью пришли гайдамаки три человека: два были в хате, а третий на дворе, со списками и косою; отомкнули сами себе двери так, что никто не слышал, она Хая и Лейбович пробудившись увидели в хате, что есть гайдамаки, не дали и огня запалить. Сперва требовали хлеба [и] водки, она, Хая и Лейбович пострашились давали им все, что требовали: один взял бодню, открыл и забравши все вынес на двор; потребовал ключи от скрыни, отпер оную, требовали денег, когда Хая и Лейбович просились у них, что не имеют денег, то отвечал: „Маешь позычать”, говорил – „Зарежу” – и кричал на другого: „Давай ножа!”, а тот сказывал: „Отрежь ему нос и ухо, а не то то поджарь его огнем, так как другого – не сказали кого, – а не то дитину зареж, которую за ногу потянул; потом брався до дочки, хотел огвалтить – она отпрашивалась, что была больна и они, Хая и Лейбович все-то плакали то просьбою упросили и они им ничего не делали, и говорили „Просите бога, что [хозяин от] их рук ушел - на ту пору мужа ее, Хаи Ицка Муниовича не было дома: но она, Хая узнала, что то был Устин Карманюк, о котором уже давно говорили, что придет до них. Забрали денег 17 руб. серебрянными и рубля дробными, вещей – перину, две подушки, килимок, сукна недиванного большой с[у]вой, которые у них в заставе от шляхтича Янковскаго, ботажков [батогов] два, кострцизму медную, мотков нитяных восемнадцать, из коих отобрано економом Павлицким от жены его, Карманюковой двенадцать, миску медную, ключов – три, панчах – сем, подсвечников – два, фартух швабский – один, простынь - две, из коих одну – опосле вместе с сукном при них отысканным; ножев – шесть, вилок – три, медный полугарнец, зеркало стенное, поясов пилипонских – два, платок бумажный – один, платков полотняных – два, перстней серебрянных – 3, из коих один позолоченный с камушками, ложечку серебрянную, игольник костяной, в коем было несколько перл дробных, лейку жестяную и подперли двери ходили в погреб, где набравши водки не знают сколько.

Шестнадцатое - За присягою селения Дубовой крестьянин Иван Бевз, Максим Катрышин и Максим Рабошук, имеющие : 1-й - 46, 2-й - 40 и 3-й – 45 лет о покраже вещей беглыми рекрутами Хроном и Карманюком ответвующа: у перваго поворовано всего на сумму ассигнациями 72 руб.

*** В тексті помилка. Це сталося у 1813 році.

5 коп.; у второго Максима Катрышина поворовано ассигнациями [на] 3 рубл.30 коп. У третьего Максима Рабошука поворовано на 75 коп. ассигнациями же.

Семнадцатое – За присягою же селения Головчинец арендарь Шмуль Фроимович, имеющий от роду 48 лет о покраже у него их погроба водки и вишниовки и из съестных припасов Хроном и Карманюком показал всего на сумму 240 рублей ассигнациями.

Восемнадцатое – За присягою же крестьяне села Дубовой Павел Онищук, Иван Бевз, Петр Андреев, жена Онищукова Мария показали: 1-й[,] имеющий от роду 47 лет[,] будучи он, Онищук прошлаго 1814 года сентября 6 числа на торге в местечке Межирове, и возвратясь из онаго с женою его, Онищука парою волами в дом в село Дубовую, проехавши Головчинцы вечером под леском, называемым [...]^{***}, в долину спускаясь[,] напали на него, Онищука четыре человека, вооруженные один с списом, другой с косою, третий – с заступом, а четвертый с булавою; из коих узнал он, Онищук Хрона, отданного за село Дубовое, не упомнит котораго времени в рекруты, а другого Головчинецкаго, оданного за село Голрвчинцы Устина Карманюка, которые переняв волы его выпрягли одного, а Карманюк схватя его за груди приказывал скидать кожух, но когда он не давался, то Хрон схватил с его жены с головы платок и с [н]его, Онищука шапку и потом насильным образом с жены же двенадцать шнурков коралей; он видя неминуемое начал кричать, тогда Карманюк с помощью двух других, неизвестных ему, вдарили в землю, били нещадно, запрещали кричать и сняли с него кожух, пояс, шапку и сапоги, а потом вынули из-за пазухи семь с половиною серебром денег, пограбили его, Онищука всего на сумму ассигнациями восемьдесят восемь рублей и десять копеек.

Второй - Иван Бевз, имеющий от роду 62 года, ответствуя, что прошлаго 1814 года сентября 5 числа неизвестно кем разбиты у него, Бевза в ночи две каморы: у одной разломали у дверей колодку, а в другой вырвали скобель, из коих уворовано разных вещей и денег всего на сумму ассигнациями на тридцать девять рублей восемьдесят копеек. При поимке же Карманюка и Хрона он тогда, Бевз не находился, а был по надобности в Бару, но Головчинецкий крестьянин Иван Заруба при поимке их познал его, Бевза шапку и пестровые штаны на Хроне, которые украдены совместно с другими с комор вещами.

Третий – Петр Андреев, имеющий от роду 35 лет изьясняет, что того же года м[еся]ца и числа неизвестно кем в задней избе отнято окно и взято в оной из вещей по цене ассигнациями на пять рублей и двадцать

*** Одне слово не розібрано.

копеек. Пропажа же она учинилась той ночи, когда и у Ивана Бевза отбиты были коморы.

Жена Онишучка Мария имеет от роду 41 год, во всем утверждает показания мужа своего.

Девятнадцатое – селения Головчинец крестьянин Иван Назарук от роду имевший 40 лет объясняя, что прошло 1814 года октября 20-го числа при поимке Хрона и Карманюка в пасечнику Зинчи^{*****} видел на Хрону действительно Ивана Бевза шапку сивую и шаровары пестровые.

Двадцатое - Селения Куриловец шляхтич Степан Сакульский, имея от роду 32 года ответствовав, что прошло 1814 года в ноябре м[еся]це неизвестно кем отомкнут амбар и поворовано в оном разных вещей на ассигнаций семнадцать рублей сорок копеек, из которых вещей по обворовании, хотя и неизвестно было кем они взяты, но при поимке Хрона и Карманюка опознано им, Сокульским тулуб, который и отобрав в Литинском нижнем земском суде.

Двадцать первое – Живущий в селе Петранях еврей Воль Хаимович, от роду ему 27 лет, за присягою объяснил, что прошло 1814 года в августе м[еся]це, неупомнит котораго числа, с субботы на неделю напали на него[,] Хаимовича неизвестно какие люди корчму «Выдумку» три человека. Пограбили его, Хаимовича [...] разных вещей и денег всего на ассигнации тридцать три рубли восемьдесят копек, и забравши все ушли неизвестно куда и с тех пор о грабителей не был сведущ, пока не пойманы были рекруты Хрон и Карманюк, у которых познал из забранных у него на Хроне свиту Степан Леонов.

Из всех сих вышеописанных обстоятельств Комиссия военаго суда находит как то оне, изъяснённые рекруты Хрон и Карманюк:

1-й – Зделав третичной побег, а последний во второй раз; при таковых побегах с 1812 года причинив Литинскаго повета многим людям разные грабительства и сожжение на смерть селения Дубовой крестьянина Салу, но сие скрыв, оне, Хрон и Карманюк в прошлом 1814 году июня 30-го дня были преданы суждению за побег, покойным Каменец-Подольским комендантом генерал-майором Ганом без всякаго об них дела и на основании предписания военного министерства и инспектарскаго Департамента, состояващаго по Высочайшему соизволению прошедшаго 1812 года апреля в 21-й день за №310 осуждены только были за побег и наказаны шпицрутен[ами] по конфирмации его же, покойнаго коменданта чрез 500 человек по одному разу с отправлением в город Крым к определению на службу того же 1913-го года августа 13 дня. Дело же об них доставлено при вторичной поимке прошло 1817 года генваря 17-го дня из Подольскаго Главнаго суда 1-го Департамента при отношении за

***** Так у тексті.

№ 88-м, сие значит в деле на листе 43-м. Из такового же мнения на польском диалекте Литинского поветового суда препровожденное того же года февраля 8 числа при предписании от Каменец-Подольского коменданта господина полковника и кавалера Силина с №176, показывающе в деле на листе 1-м; за соображением его Комиссия военного суда производя над ними дело за грабительство и смертоубийство, но оне подсудимые рекруты Хрон и Карманюк приняв и тут в намерении избежать от поступков грабежа и смертоубийства, скрывали и не признавались в том, но уже сознавшись на уличении по следственному делу свидетельскими показаниями, доказывається сие по делу о ограблении и сожжении села Дубовой крестьянина Ивана Салу, сверх того Салы Горпины, служанки Авдотьи[,] пасынка его, Салы Антона, служителя Петра и сына его, Салы Якова на листе 46 и 64. Тако же подтверждается о мучении Хроном и Карманюком показанием жителя селения Дубовой Федора Шевчука, на листе 47-м, равным образом удостоверяет ответами в деле на листах 93, 94, 95 и 96 о их, Хрона и Карманюка грабительстве с соучастником селения Клопотовец крестьянином Удодовым. Селения Дубовой крестьянин Иван Ткачук, с коими он, Ткачук сознаваясь и сим был участником; при том же имея Хрон пристанище и пропитание от Ивана Ткачука творил блудодеяние с сестрою жены Ткачука, девкою Прасковьею и жил немалое время с нею как с женою – раскрывается сие, как по собственному его, Хрона сознанию, так и заверяет ея, Прасковьи показания по делу на листе 97-м. Затем, он, Хрон и Карманюк в 1814 году, когда были по наказании из Каменца отправлены с прочими наказанными для определения на службу в город Крым, бежавши с дороги с другими тремя им подобными, которые не пойманы, утчинили воровство и грабительство того года в сентябре м[еся]це, а именно селения Курыловец шляхтичу Степану Сакульскому, села Дубовой крестьянину Павлу Онищуку с женою его Марию, того же села Ивану Бевзу, Петру Андрееву – сие видимо как из дела на листах 170-м, 172-м, 173-м и 174-м. Хотя же Карманюк и не сознается в грабительстве 1814 года: но обнаруживают таковое преступление поясненны на листах свидетельские показания; при всем таковом их Хрона и Карманюка грабительстве от 1812 года по 1814 год октября м[еся]ца понесено убытку в ограблении жителей Литинского повета разных селений из вещей и денег, а именно всего государственными ассигнациями на две тысячи двести сорок два рубля пятьдесят пять копеек. За отобранием от них малой части из вещей и отдачею хозяевам, но прочее в большом количестве при поимке и долженствовальном обыске Литинским нижним земским судом при них, Хроне и Карманюке не отыскано, а все ими в продолжении побега потрачено, то и по сему приговорили:

Как оне, подсудимые рекруты, Хрон и Карманюк сделал первоначально смертоубийство крестьянину Ивану Сале и разные

грабительства до состояния Всемилоствейшаго Манифеста, состоявшаго в 30-й день августа м[еся]ца 1814-го года, подвергались бы только к отсылке без наказания в крепостную работу, но уже сделали нападения и грабительства по воспоследовании Всемилоствейшаго Манифеста, за что по силе Законов Воинскаго Сухопутнаго Устава 4-й главы, 43 артикула, 12-й главы 17-го и 18-го отделений Всемилоствейшаго Манифеста, изданного 1814-го года августа в 30-й день, 17-го параграфа – имеют быть оне, рекруты Хрон и Карманюк казнены смертию.

Относительно же участвующих с ними в передержательстве и грабеже гражданскаго ведомства людей не касаясь приговором, ибо таковые состоят под судом Подольскаго Главнаго суда в 1-м Департаменте, куда и дело по принадлежности за доставлением оригиналом обратно отправлено.

Впрочем, все сие постановление Комиссия военнаго суда не приводя в надлежащее исполнение, а предает на благоусмотрение и конфирмацию власти высшей воли. Подсудимые же Хрон и Карманюк содержатся под караулом при Каменец-Подольском ордонанс-гаузе. Заключено в Каменец-Подольском сентября 20-го дня 1818 года. Подлинная за подписом господ присутствующих и скрепою аудитора .

С подлинным верно: презус плац майор Гратинский.

Аудитор Каменец-Подольскаго ордонанс-гауза Станов.

(Державний архів Хмельницької області. Фонд 197. - Опис 1. - Справа 152 . - Арк.53-67. Копія).

¹ Ковальский Н.П. Источники по социально-экономической истории Украины XVI – первой половины XVII века. Структура источниковой базы. Уч. пособие. – Днепропетровск: ДГУ, 1982. – С.6; Він самий. Джерельна база історичних досліджень: дефініція, структура, рівні (до історіографії питання) / М. П. Ковальський // Наукові записки (Острозька академія). – Острог: Видавн. комплекс ОА, 1999. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 6-8.

² Дячок В.В. Джерела про Устима Кармалюка та опришківство на Поділлі (1813-1835рр.): Автореферат дисертації ... кандидата історичних наук. – К., 2000. – С.11.

³ Державний архів Хмельницької області (далі-ДАХО). – Ф.120. – Оп.1. –Спр.1294; Оп.4. – Спр.152.

⁴ Державний архів Вінницької області (далі – ДАВО). – Ф.222. – Оп.4. –Спр.118; ДАХО. – Ф.4. – Оп.2. – Спр.1; Ф.120. – Оп.1. – Спр.1414; 1437; 1447; 1448; Ф.197. – Оп.1. – Спр.330, 982; Оп.2. – Спр.217. – Т.1-6, Т.7-18, Т.19-26, Т.27, Т.28; Російський державний історичний архів в Санкт-Петербурзі (далі – РДІА). – Ф.1345. – Оп.338. – Спр.852. – Ч.1, Ч.2, Ч.3;

Тобольська філія Державного архіву Тюменської області (далі – ТФ ДАТО). – Ф.330. – Оп.17. – Спр.25.

⁵ РДА в Санкт-Петербурзі. – Ф.1330. – Оп.5. – Спр.1417; ДАХО. – Ф.4. – Оп.1. – Спр.303; Ф.197. – Оп.1. – Спр.1053, 1078.

⁶ ДАХО. – Ф.120. – Оп.4. – Спр.152. – Арк.53–67.

⁷ Якимович С. Устин Кармалюк у судових актах // Червоний шлях (далі – ЧШ). – 1923. – №8. – С.114-115; Хвиля А. Устин Кармалюк: до 100-ліття з дня смерті. – Харків, 1936; Устин Кармалюк: Зб. документів. – К., 1948; Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сб. документов и материалов / Гл. ред. Дружинин Н.М. / Под ред. А.В.Предтеченского. – М., 1961; Селянський рух на Україні, 1826-1849 рр.: Зб. документів і матеріалів. – К., 1985. – Док. 6, 8, 42, 56, 59, 67, 70, 71.

⁸ Устин Кармалюк: Зб. документів. – К., 1948. – 344с.

⁹ Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. – М., 1989. – С.40-41.

¹⁰ Там само. – С.41.

¹¹ Устин Кармалюк... – С.7.

¹² Там само. – С.34–35.

¹³ ДАХО. – Ф.197. – Оп. 1. – Спр.152. – Арк.9 зв.

¹⁴ Там само. – Арк.10.

¹⁵ Там само.

¹⁶ Устин Кармалюк ... – С. 167.

¹⁷ ДАХО. – Ф.197. – Оп.2. – Спр.217. – Т.28. – Арк.162–163.

¹⁸ Устин Кармалюк ... – С.167.

¹⁹ Там само. – С.27–33.

²⁰ Устин Кармалюк... – С.15.

²¹ ДАХО. – Ф.197. – Оп. 1. – Спр.152. – Арк. 58, 61зв. – 62.